

902, 6
Д. - 12

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ДРЕВНОСТИ СЛАВЯН И ФИННО-УГРОВ

*Доклады советско-финляндского симпозиума
по вопросам археологии 16—22 мая 1986 г.*

Под редакцией
А. Н. КИРПИЧНИКОВА и Е. А. РЯБИНИНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-Петербургское отделение
1992

ки. В них поэтому можно видеть первый археологически устанавливаемый этап христианизации на территории Финляндии. Судя по фибуле с изображением «герба Хашну» из Кокемяки-Киркквэйнио,²⁹ он уже мог начаться во второй половине эпохи меровингов; из-за узкой дуги эта фибула, не датирующаяся по обстоятельствам находки, сравнивается с другими круглыми фибулами с узкой дугой эпохи меровингов.³⁰ Более сильно это раннехристианское влияние сказывалось на переходе от эпохи меровингов к эпохе викингов. Использование кольцевидных фибул с широкой дугой продолжается и в эпохе викингов, христианская орнаментация на них, как и зооморфная орнаментация круглых выпуклых фибул, деградирует. Это означает также деградацию христианского символика и вместе с ней упадок христианского влияния.

Очень глубоким христианское влияние не могло быть: многие фибулы происходят из погребений, совершенных по обряду трупосожжения, да и другие, похоже, не связываются с могилами по обряду трупоположения. Но в некоторых случаях у умершего было больше христианских символов: на могильнике Каланни-Калмумаки найдены, очевидно при одном погребении, две кольцевидные фибулы с вписанным крестом и крестовидная подвеска.³¹ Возможно, что умерший был крещен. Сошлюсь в этой связи на часто упоминающееся известие Микаэля Агриколы о том, что первые крещенные в Финляндии были «жители скалистого островка в Каланни».

То раннехристианское влияние, которое выше пытался автор обосновать, может казаться неожиданным, но оно соотносится с более общим явлением, т. е. с той миссионерской христианизаторской деятельностью, которая была направлена в Скандинавию приблизительно в то же время. Историческими свидетельствами являются, разумеется, миссионерские поездки монаха и епископа Ангария в Бирку в 829—831 гг. и в начале 850-х годов.³² Но ранняя христианизация Финляндии (из-за своей древности и из-за археологических проявлений) не может быть связана с Биркой. Значительнее та христианизаторская деятельность, которую можно, по Х. Арбману, фиксировать на Готланде около 800 г., уже во время, предшествующее деятельности Ангария. Она проявляется в регрессе языческого обряда с вещами, в серебряных крестовидных и адорантных изображениях, булавах с кольцевидными крестами, своеобразных изображениях Христа и, вероятно, даже в мотивах с мадонной на некоторых коробчатых застежках.³³ Поскольку в украшениях начала эпохи викингов из Вакка-Суоми и так наблюдается готландское влияние, кажется вероятным, что ранняя христианизация в Финляндии находится в какой-то связи с Готландом. Но христианская орнаментация кольцевидных фибул настолько отличается от готландских, что речь идет, очевидно, о параллельном явлении. Остается вопрос — может ли ristī (крест) в финском языке датироваться временем уже этих раннехристианских контактов?

¹ Kalima J. 1) Suomen kielen etymologinen sanakirja II—III. Helsinki, 1976; 2) Slavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista // Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. Helsinki, 1952. S. 243; Plöger A. Die russischen Lehnwörter die finnischen Schriftsprache // Veröffentlichungen der societates uralo-altaica. Wiesbaden, 1973. Bd—8.

² Plöger A. Die russischen Lehnwörter. ...

³ Kalima J. Slaavilaisperäinen. ... S. 149—150.

⁴ Sedov V. V. Old Russia and Southern Finland // Iskos 4. Helsinki, 1984; Salo U. Kaupunkilaitoksen varhaisvaiheet Aurajoen suussa. Turun seitsemän vouisataa. Turun Historiallinen yhdistys, Turun kaupunki. Turku, 1984.

⁵ Rinne J. Pyhä Henrik, piispa ja martyyri // Suomen kirkkohistorian seuran toimituksia, XXXIII. Helsinki, 1932; Kivikoski E. 1) Die Eisenzeit im Aurafussgebiet // SMYA. 1939. N. 43; 2) Suomen varhaisin kristillisydenmuinaisieteellisen aineiston valossa. Novella plantatio // Suomen kirkkohistoriallisen seuran julkaisuja Suomen kirkon juhlayötöna, 1955; 3) Suomen esihistoria // Suomen historia I. Helsinki, 1961; Clive N. 1) Spår av tidig kristendom i Västra Finland // FM 1947—1948. Helsingfors, 1948; 2) En kyrkogård från korstågstiden // Corolla archaeologica in honorem C. A. Nordman. Helsinki, 1952.

⁶ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 1141—1149.

⁷ Kivikoski E. 1) Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. S. 166—171; 2) Turun seutun esihistoria // Turun kaupungin historia kivikaudesta vuoteen 1366. Turku, 1971. S. 93—94; Holmqvist W. Övergångstidens metallkonst. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Antikvariska serien II. Stockholm, 1963. S. 62.

⁸ Cp.: Lange B. C. «Kors». Kulturhistoriskt leksikon för nordisk medeltid. IX. Helsingfors, 1964. 9) Cp.: Holmqvist W. Övergångstidens... K. 25; Dreijer M. Det åländska folkets historia. I: I. Fran stenåldern till Gustav Vasa. Marienhamn, 1979. S. 162. K. 6.

¹⁰ Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. S. 166—171; Hirviliuoto A.-L. Ett bysantiskt korsmycke från Haimionmäki i Lundo // FM. 1970. Helsingfors, 1971; Sedov V. V. Old Russia. ...; Purhonen P. The Crucifix from Taskula, Maaria — on the iconographic and stylistic Aspects of a Group of Crucifix pendants // Iskos 4. Suomen Muinaismuistoyhdistys. Helsinki, 1984.

¹¹ Nerman B. När Sverige kristnades. Stockholm, 1945. S. 111—114; Dreijer M. Det åländska ka... S. 174—176; Мугуревич Э. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

¹² Salo U. Kaupunkilaitoksen. ...; Sedov V. V. Old Russia. ...

¹³ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Toinen osa. Sanasto — ja Lauseoppia. Helsinki, 1946. S. 46.

¹⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Abb. 425.

¹⁵ Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. S. 87—90.

¹⁶ Kivikoski E. 1) Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963. S. 75—76. Taff. 55:6; 2) Die Eisenzeit Finnlands. Abb. 427.

¹⁷ Kivikoski E. Suomen rautakauden kuvasto I. Porvoo-Helsinki, 1947. K. 401; Nordman C. A. Karelska järnålderstudier // SMYA. 1924. XXXIV:3. Fig. 85—86.

¹⁸ Kivikoski E. Kvarnbacken. S. 75—76. Taf. 15:3.

¹⁹ Filip J. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Prag, 1966. Bd 1—2. S. 747—748.

²⁰ Cp.: Nordman C. A. Karelska. ... Fig. 2, 29, 63.

²¹ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Abb. 426.

²² Nordman C. A. Karelska järnålderstudier. Fig. 25, 28, 67.

²³ Nordman C. A. Karelska järnålderstudier. Fig. 107—108; Kivikoski E. 1) Suomen rautakauden. ... K. 403; 2) Die Eisenzeit Finnlands. Abb. 428; Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari I. The Graves // SMYA. N 82:1. Helsinki, 1982.

²⁴ Haup.: Gough M. The early. ... P. 183. Tabl. 38.

²⁵ Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 nach Chr. Tartu, 1929. Tabl. XIX, I; XXIX, II, 12; Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974. Tabl. 30, 3; 32, 4, 5; 34, 2, 5; 41, 20; Kulikauskas R., Kulikauskienė R., Tautvaicius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961. Pav. 148.

²⁶ Kivikoski E. 1) Suomen rautakauden. ... K. 398—399; 2) Die Eisenzeit Finnlands. Abb. 429—430.

²⁷ Stigelb A.-L. Kyrkans tecken och årets gång. Tideräkningen och Finlands primitiva medeltidsmålningar // SMYA. 1974. N 77. S. 46—48.

²⁸ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Abb. 472, 656—657.

²⁹ Ibid. Abb. 409.

³⁰ Ibid. Abb. 408—410.

³¹ Ibid. Abb. 485.

³² Nerman B. När Sverige kristnades. Stockholm, 1945. S. 40.

³³ Ibid. S. 62—74.

И. В. Дубов, В. Н. Седых

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТИМЕРЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Тимеревский могильник, имеющий общеевропейское значение, исследуется уже больше ста лет. В настоящее время мы имеем данные по 459 курганам. Как показывают исследования, возможности для раскопок тимеревских курганов отнюдь не исчерпаны. Дважды, после того как объявлялось, что некрополь полностью раскопан, удавалось доказать обратное. Так, в публикации 1963 г. М. В. Фехнер утверждала, что «археологическое изучение Тимеревского некрополя полностью было завершено».¹

В 1973 г., т. е. через десять лет после этого вывода М. В. Фехнер, Ярославской

экспедицией Ленинградского университета был вскрыт курган № 95, содержащий интереснейший погребальный комплекс, который много дал для корректировки наших представлений о могильнике, и прежде всего его хронологии.² Об этом кургане много написано.³ Поэтому следует остановиться лишь на одном — основном погребении, совершенное по скандинавскому обряду, следует датировать IX столетием, и, скорее всего, его первой половиной.

Спустя три года, в 1976 г., во время обследования площади поселения металлоискателем было обнаружено еще одно погребение. Сама курганная насыпь не сохранилась в связи с распашкой. Этот курган не отмечался на всех известных нам планах могильника и находился на юго-восточной окраине некрополя, где последний близко подступает к Тимеревскому поселению. Данный погребальный комплекс — мужское (дружинное) захоронение с мечом — датируется второй половиной X в.⁴

После раскопок 1973 г. (курган № 95) стало ясно, что могильник необходимо исследовать и далее. И тогда экспедиция Государственного Исторического музея под руководством М. В. Фехнер после десятилетнего перерыва вновь приступила к раскопкам. За пять полевых сезонов было вскрыто 97 курганов, давших интереснейшие находки и важную информацию об обряде погребения. Итогом этих работ стала недавно опубликованная статья Н. Г. Недошивиной и М. В. Фехнер, где вновь сделан вывод, что «памятник был полностью доследован».⁵ Ошибочность такого заключения показывают дальнейшие полевые работы Ярославской экспедиции Ленинградского университета. В 1984 г. во время раскопок Тимеревского поселения на участке, примыкающем к могильнику, в пределах постройки на уровне материка были обнаружены остатки погребения по обряду труположения — плохо сохранившийся женский костяк.⁶ Скелет был ориентирован головой на запад. При нем найдены две золотостеклянные бусины. В течение двух полевых сезонов проводились раскопки кургана № 297, расположенного в центральной части могильника. Этот курган относится к числу самых больших насыпей некрополя. Диаметр кургана достигает 16,5 м, максимальная высота — 1,55 м. Насыпь по форме полусферическая и состоит из супеси и глины (рис. 1, 2). Курган был окружен ровиком глубиной от 0,3 м до 0,65 м и шириной от 0,82 до 1,35 м. Курган был испорчен ямой, скорее всего, кладонскательской, разрушившей центральную часть насыпи. Размеры ямы: 3,75 м × 2,75 м; глубина — 0,65 м. В яме обнаружены фрагментированный лепной горшок баночной формы без орнамента (рис. 2, 5). Аналогичный сосуд найден в кургане № 261 Тимеревского могильника.⁷ М. В. Фехнер относит погребение в данном кургане к скандинавским⁸ и вполне обоснованно датирует его X столетием.⁹ Кроме этого, в яме обнаружен железный предмет в виде несомкнутого плоского кольца. Здесь же найдены кости животных — лошади и свиньи.¹⁰ На дне ямы зафиксирована железная ладейная заклепка с остатками дерева. С северо-западной стороны насыпи было вскрыто межкурганное пространство. Здесь был заложен раскоп площадью 12 м². Среди находок — фрагменты сетчатой керамики и две кремневые пластинки.

В северо-восточном поле кургана зафиксирована яма подтреугольной формы, размерами 3,3 м × 2,5 м, глубиной 0,62 м. В яме — два камня, фрагменты керамики, пластинка из кремня. В насыпи кургана обнаружены фрагменты текстильной керамики, две кремневые пластинки, наконечник дротика, кости животных (баран, свинья). На уровне древней погребенной поверхности зафиксирована грунтовая яма подпрямоугольной формы, размерами 1,6 × 2,6 м и глубиной от 0,13 до 0,25 м, ориентированная по линии запад—восток. У западного борта камеры, внутри нее, обнаружены три столбовые ямки диаметром от 8 до 10 см и глубиной от 10 до 22 см, входивших, вероятно, в конструкцию козырька деревянной камеры, расположенного в изголовье погребенных. Вдоль северного и южного бортов ямы найдены остатки деревянных плах шириной до 0,1 м и толщиной до 0,02 м. За пределами ямы вдоль западного и восточного бортов были зафиксиро-

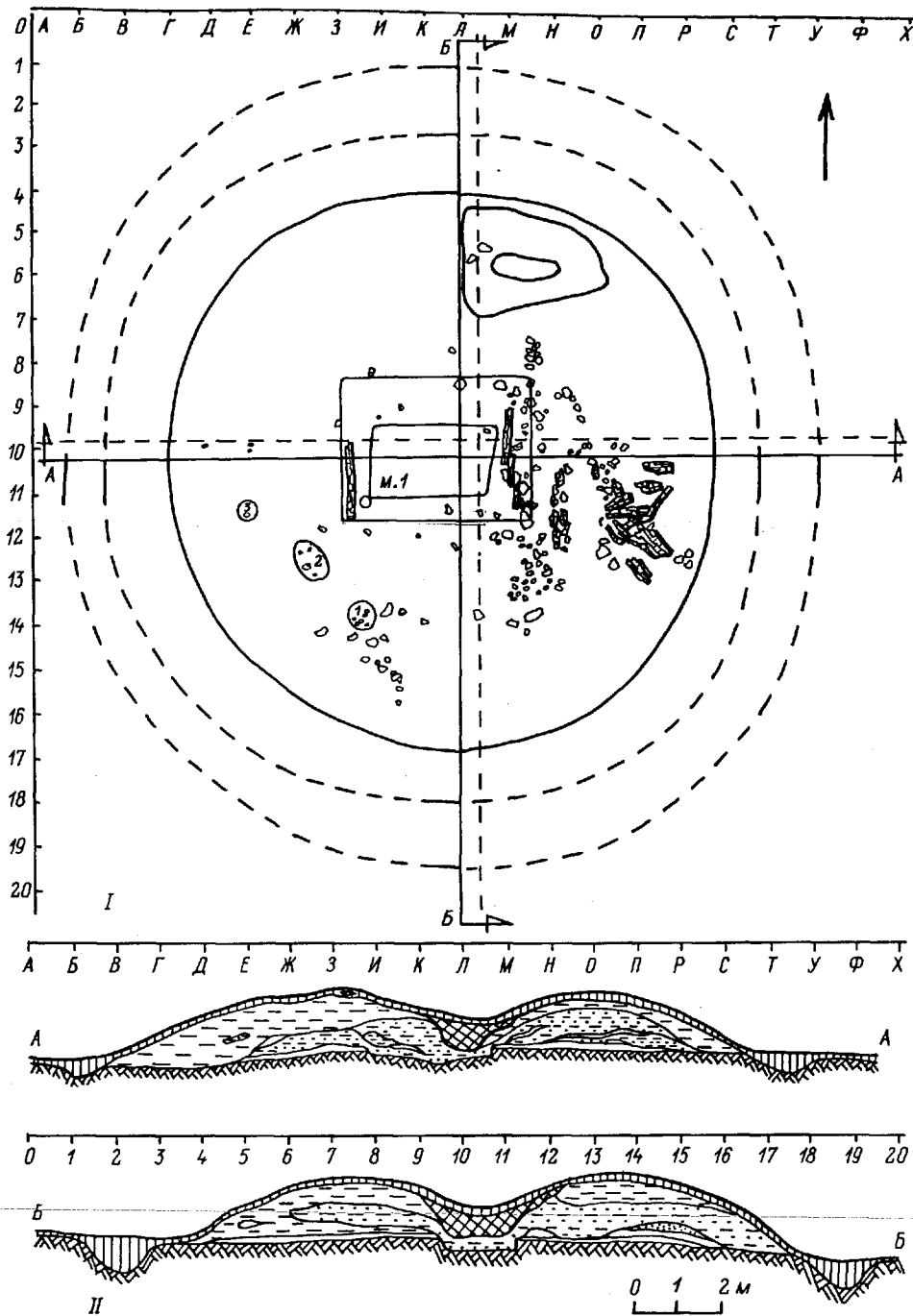

Рис. 1. Курган № 297: I — план, II — разрезы.

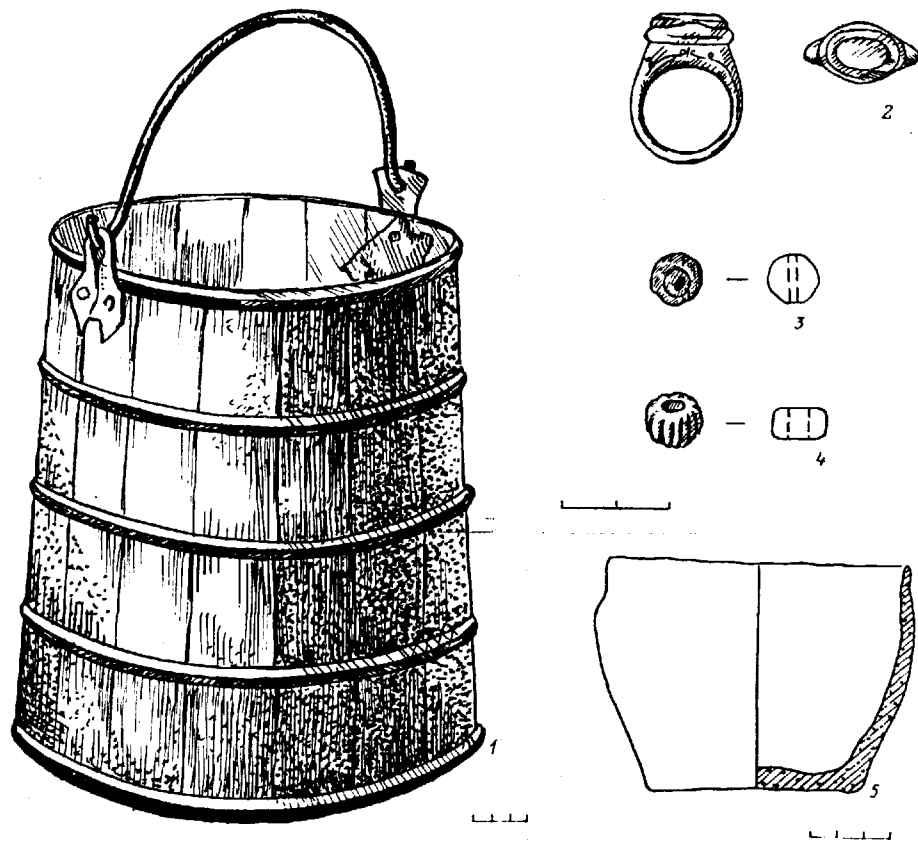

Рис. 2. Курган № 297. Инвентарь: 1 — ведро (реконструкция), 2 — серебряный перстень с сердоликовой вставкой, 3—4 — бусины, 5 — горшок.

рованы сожженные доски ладьи с заклепками (рис. 3, см. вкл.). К востоку от ямы открыты остатки каменной кладки длиной 6.5 м и шириной 2.1 м, которая была ориентирована по линии север — юг. Здесь же зафиксировано кострище размерами 2.7 × 2.7 м и мощностью до 0.15 м с фрагментами сожженных деревянных конструкций, камней и неопределимых кальцинированных костей.

Отдельные камни и ямки с кальцинированными костями зафиксированы также к югу от могильной ямы (рис. 1, 1). В яме обнаружены два погребения по обряду труположения с западной ориентировкой.

Погребение № 1. Женское. Возраст 30—45 лет. Находится в южной половине могильной ямы (рис. 3). У черепа обнаружены остатки золотого шитья — видимо, фрагменты тесьмы от ворота одежды (рис. 4, 5). Аналогичные находки известны из курганов № 295 и 422 Тимеревского могильника. Курган № 295 раскопан в 1977 г. экспедицией ГИМ. Кроме тесьмы, так были найдены: меч, боевой нож, серебряная подковообразная фибула, бронзовые пуговицы. Погребение мужское по обряду ингумации. Авторы раскопок среди прочих датируют его второй половиной X—началом XI в.¹¹ Курган № 422 был вскрыт в 1961 г. Здесь обнаружено труположение девочки-подростка. М. В. Фехнер датирует его началом XI в. и относит к славянским захоронениям.¹² В районе пояса погребенной в кургане № 297 обнаружена серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, изготовленная из круглого в сечении рубчатого дрота (рис. 4, 3). Близкие к

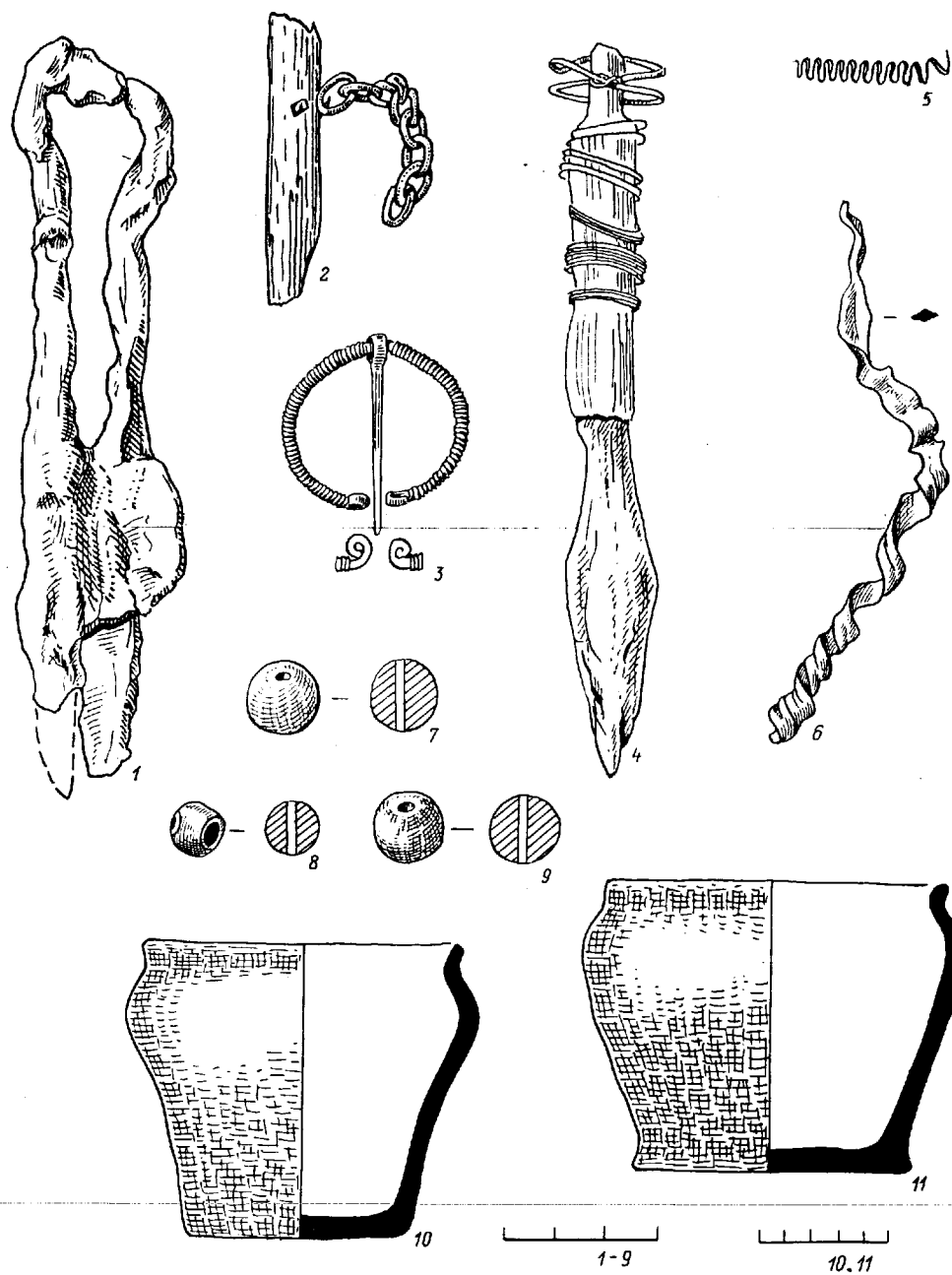
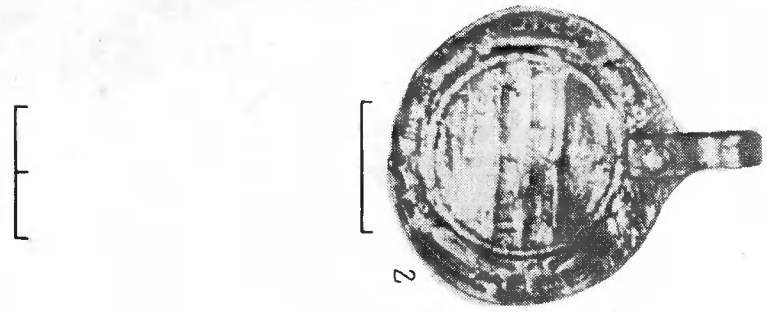

Рис. 4. Курган № 297. Инвентарь: 1 — железные пружинные ножницы, 2 — игольник, 3 — серебряная подковообразная фибула, 4 — нож, 5 — золотая проволока, 6 — металлическая лента, 7—9 — бусины, 10—11 — горшки.

Рис. 5. Курган № 297. Инвентарь: 1, 3 — скорлупообразные овальные фибулы; 2 — дирхем-подвеска.

данной находке спиралеконечные тордированные фибулы известны в Тимеревском, Гнездовском могильниках, памятниках Скандинавии и Прибалтики и датируются X—XI вв.¹³ Аналогичная фибула встречена в «кургане № 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове.¹⁴ Этот комплекс реконструирован В. А. Булкиным.¹⁵ Там обнаружено парное труноположение в камере, сопровождаемое кошем. Находки — оружие, в том числе меч, две скорлупообразные фибулы, гривна с «молоточками Тора», дирхем с ушком, бусы, ножницы, ведро, ткань, ножи, пряжки. По набору инвентаря, как будет видно ниже, Гнездовский комплекс очень близок к рассматриваемому нами. У пояса погребенной женщины в кургане № 297 найдены костяной игольник с набором железных игл на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев, железные пружинные ножницы и нож (рис. 4, 1, 2, 4). Деревянная рукоять ножа обмотана серебряной проволокой. Из такой же проволоки было выполнено украшение навершия рукояти, причем проволока перевита как бы плетенкой. Аналогичные наборы предметов характерны для женских погребений Скандинавии.¹⁶ Они известны в Бирке и других памятниках¹⁷ и датируются главным образом X в. Кроме того, здесь же были обнаружены два железных неопределимых предмета. В ногах погребенной найдены две круглые бусины горного хрусталя и бусина глазчатая темно-синего стекла (рис. 4, 7—9). В список инвентаря данного захоронения входят также найденные в ногах два фрагментированных глиняных лепных горшка (рис. 4, 10, 11). Аналогичные сосуды известны из кургана № 54 Тимеревского могильника. Этот курган М. В. Фехнер относит к финским и датирует второй половиной X в.¹⁸ Однако, судя по набору инвентаря (железная шейная гривна из д्रोга четырехугольного сечения, ладейная заклепка, гребень с орнаментом в виде плетенки, дирхем-привеска, ланцетовидная стрела), его можно считать скандинавским и относить к первой половине X столетия.¹⁹

Погребение № 2. Расположено в северной части камеры. Костяк девочки-подростка 11—13 лет. Нижняя часть костяка уничтожена кладоискательской ямой, дошедшей до материка. На груди погребенной обнаружены две скорлупообразные посеребренные фибулы (рис. 5, 1, 3), на одной из которых встречены остатки дерева; они есть также и под второй. Это указывает на то, что камера, видимо, имела деревянное покрытие. Фибулы относятся к типу 51 К (типология Я. Петерсена). У них отсутствуют боковые выступы, они имеют семь шипов и изображения человеческих масок. Под обеими фибулами зафиксированы остатки ткани. Данный тип застежек датируется Я. Петерсеном второй—третьей четвертью X в.²⁰ М. В. Фехнер без всяких на то оснований завышает эту датировку до второй половины того же столетия.²¹ Аналогичные находки известны в Гнездовских и Приладожских курганах, Новгороде, Скандинавии. Из этого же погребения происходит дирхем-привеска с ушком, чеканенный в 804—805 гг. (Аббасиды. Харун-Рашид. Ал-Мухаммадия — рис. 5, 2).²² Костяк сопровождали также две бусины. Одна — глазчатая темно-синего стекла, аналогичная найденной при погребении № 1, и рифленая горного хрусталя (рис. 2, 3, 4). Наиболее интересной находкой в этом кургане является серебряный перстень с вставкой из сердолика. Он был обнаружен в области кисти левой руки захороненной и был надет на фалангу медвежьей лапы. Здесь сохранилось два когтя медведя, один из которых находился внутри кольца перстня (рис. 2, 2). Боковые грани щитка перстня украшены восточным орнаментом, похожим на рисунки на весовых гирьках. Данный перстень, возможно, происходит из круга салтовских. Аналогичное украшение известно из погребения № 515 в Бирке.²³ Эту находку можно интерпретировать как обручение девочки-подростка с медведем-«прародителем», «хозяином». В пользу этого говорят многочисленные этнографические и фольклорные аналогии. Детально данный вопрос был разработан Н. Н. Ворониным в его известной статье, посвященной культуре медведя. Он приводит многочисленные примеры связи культа медведя со свадебной обрядностью. Так, в Швеции собственно термин «жениться» передается словом «обмедведиться». Люди, оде-

тые медведем, являются активными участниками свадебных обрядов. Н. Н. Воронин указывает, что «в шуточной игре, где ряженые медведем валят девушек на пол и пачкают сажеей, может быть, следует видеть отзвуки символического игрища, воспроизводившего брак медведя и женщины».²⁴ Аналогичные элементы обрядности известны по этнографическим данным в Ярославском Поволжье.²⁵ Важным элементом медвежьего праздника у финно-угров также являются свадебные обряды.²⁶ Положение лап медведя как реальных, так и их глиняных имитаций в погребениях широко известно в Скандинавии и Древней Руси. Безусловно, положение лап в могиле имело ритуальное значение и было связано с пережитками тотемизма. Данный вопрос подробно освещен в литературе.²⁷ Найденный в грабительской яме сосуд, описанный выше, видимо, также связан с данным погребением.

У южной стенки камеры найдены фрагменты перевитой металлической ленты тяжелого сплава. Аналогичная обгоревшая лента (рис. 4, б) обнаружена на борту камеры у юго-западного ее угла рядом с остатками деревянного ведра, окованного железными обручами (рис. 2, 1). Реконструируемая высота ведра достигает 0,3 м, диаметр верхней части — 25 см, дна — 27,5 см. Сохранилась железная дужка с петлями. Петли отличаются друг от друга — видимо, ведро ремонтировалось. Внутри ведра найдены кальцинированные кости. К сожалению, кальцинированные кости из ведра и ямок определить не удалось. Поэтому не представляется возможным с уверенностью говорить о наличии здесь третьего погребения по обряду кремации. В южной доле кургана на расстоянии 0,8 м от края камеры найден фрагмент ошлакованного глиняного грузила, которые хорошо известны в постройках и культурном слое Тимеревского поселения.

Таким образом, исследованная насыпь относится к серии «больших курганов» могильника, а по набору инвентаря — еще и к «большим». Датировать данный комплекс следует по совокупности датировок элементов обряда и вещей (прежде всего фибулы) второй — третьей четвертой X столетия. Оснований для завышения даты у нас не имеется. Это время — середина X в. — период максимальной активности на Великом Волжском пути. Связи Руси со Скандинавией и Востоком были чрезвычайно многосторонни и обширны. Поэтому вполне объяснимо наличие в Ярославском Поволжье погребальных сооружений по скандинавскому обряду, отдельных вещей да и самих выходцев из северных стран.

Вопрос об этнической принадлежности погребенных в кургане № 297 крайне сложен. Однако обряд — камерная гробница и ладьевидная каменная вымостка, остатки ладьи и набор вещей — говорят в пользу их скандинавского происхождения. Хотя здесь вполне могла быть погребена жена богатого скандинавского купца или воина, сама имеющая иное этническое происхождение, нежели обряд, по которому ее захоронили.

Кроме упомянутых выше тимеревских курганов, близких к исследованному нами, следует также остановиться на кургане № 348, раскопанном экспедицией ГИМ в 1976 г. Там было обнаружено камерное погребение по обряду ингумации в сидячем положении. Среди инвентаря — две целые скорлупообразные фибулы, хрустальные бусы, привеска из дирхема, серебряный перстень с сердоликовой вставкой, серебряные нити от головного венчика, нож с деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой, лепные горшки (в ногах), кости домашних животных. Все эти находки есть и в рассматриваемом нами комплексе. Кроме того, в кургане № 348 были обнаружены круглая бронзовая позолоченная фибула, бронзовый бубенчик, привеска из денария, костяной гребень с бронзовой позолоченной орнаментированной накладкой и неопределимые железные предметы в обломках.²⁹ Авторы раскопок отмечают, что «инвентарь данного захоронения характерен для норманнских древностей».³⁰ Они относят этот комплекс к числу наиболее ранних и датируют его первой половиной X в.³¹

Вышеизложенное позволяет утверждать, что возможности для раскопок на

Тимеревском могильнике отнюдь не исчерпаны, как полагают некоторые исследователи. Дальнейшие работы могут дать много нового, интересного материала, который несомненно позволит уточнить, а, возможно, в чем-то и изменить наши представления об этом ключевом памятнике и исторических процессах, протекавших на Северо-Востоке Руси в эпоху раннего средневековья.

¹ Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

С. 7.

² Дубов И. В. Ярославская экспедиция // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

С. 51.

³ Дубов И. В. 1) Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146.

С. 82—86; 2) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 125—128.

⁴ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. И. Ярославская экспедиция // АО 1976 года. М., 1977. С. 51—52; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 128—129.

⁵ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101—115.

⁶ Определение Н. И. Цветковой.

⁷ Коллекция Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника № 21677. Тимеревский могильник. Инв. № 207/261

⁸ Фехнер М. В. Тимеревский могильник... С. 15.

⁹ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. Приложение.

¹⁰ Определение Н. М. Ермоловой.

¹¹ Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля // АО 1977 года. М., 1978. С. 72—73.

¹² Ярославское Поволжье... Приложение.

¹³ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 156—157.

¹⁴ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 58. Рис. 46.

¹⁵ Булкин В. А. «Курган 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 140—141.

¹⁶ Stalsberg A. Skandinaviske vikingetidstidspunn fra Russland med Saerlig vekt pa kvinnefunnene // Unitekst. Fagskrift. Nr. 6. Januar 1984. S. 93 (fig. 3.); Salonen H. Gräberfunde aus dem Ladogagebiete // ESA. Helsinki, 1929. T. IV. S. 229.

¹⁷ Arhman H. Birka I. Die Gräber. Uppsala, 1940—1943.

¹⁸ Ярославское Поволжье... Рис. 5. Приложение.

¹⁹ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 52—53.

²⁰ Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. S. 68, fig. 51 k.

²¹ Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // Ярославское Поволжье... Табл. 1. С. 82.

²² Определение И. Г. Добровольского.

²³ Arhman H. Birka. Tafl. 111. 1.

²⁴ Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краснеческие записки. Ярославль, 1960. Вып. IV. С. 67.

²⁵ Там же. С. 65—66.

²⁶ Соколова Э. П. Страна Югория. М., 1976. С. 60—70.

²⁷ Kivikoski E. Eisenzeitliche Tontatzen aus Åland // ESA. 1934. № 9. S. 381—391;

Воронин Н. Н. Медвежий культ... С. 25—93; Фехнер М. В. Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника // СА. 1962. № 3. С. 305—309; Дубов И. В. Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 95—99.

²⁸ Дубов И. В., Седых В. И. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 111—118.

²⁹ Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Раскопки Тимеревского могильника // АО 1976 года. М., 1977. С. 59—60.

³⁰ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 108.

³¹ Там же. С. 110.